

Моризэ А.

**У Ленина и Троцкого.
Москва 1921**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А. М.**
У Ленина и Троцкого. Москва 1921 / Моризэ А. – М.: Книга по Требованию,
2025. – 307 с.

ISBN 978-5-519-97448-6

ISBN 978-5-519-97448-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ского мэра, левого обывателя, социалиста, который
знакомился с революцией России, по-своему очень
внимательно, с большими симпатиями к ней и разве
что чуть-чуть свысока, как и полагается просвещенному
и культурному булонскому мэру.

.Л. Троцкий.

10/II—23 г.

К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ.

Дорогой товарищ Моризэ!

Сообщение о подготовляемой Вами к печати книге о Советской России меня искренне обрадовало. Вы были в России, как друг. Вы имели возможность осмотреть все, что заслуживало Вашего интереса. Вы служите делу французского и мирового пролетариата, следовательно, Вами может руководить только стремление говорить трудящимся массам правду о первой республике труда. А это самое важное и ценное.

Вы знаете лучше моего, как много о нас лгали. Международную капиталистическую и социал-демократическую ложь о Советской России можно разбить на две категории. К первой относятся продукты злобной и не бескорыстной фантазии: сообщения о том, как пиршествуют советские сановники, как они арестуют друг друга, как артиллеристы «национализировуют» женщин буржуазного класса и пр., и пр. Эта ложь внутренне противоречива, однообразна и глупа. Ей верят только наиболее отсталые консерваторы и некоторые министры. Ко второй категории лжи относятся картины, составленные из кусочков правды. Это ложь более высокого порядка. Ее поприще обширнее, ее источники богаче. Революция—очень суровый процесс, в особенности, в стране, где есть десятки

миллионов отсталых крестьянских масс. Если вооружиться фотографическим аппаратом и злой волей, то можно сделать много снимков из жизни нынешней Советской России, которые в совокупности своей доставят большое удовлетворение каждому реакционному буржуа. Революция есть разрушение во имя нового созидания. Понять революцию как в ее возвышенных, так и в ее мрачных чертах может только тот, кто берет ее в ее внутренней неизбежности, в борьбе ее живых сил, в логической последовательности ее этапов. Этим я вовсе не хочу сказать, что революция непогрешима. Но для понимания ее ошибок, как и ее творческих завоеваний, необходим большой исторический масштаб.

Когда мы приступили к созданию армии, значительная группа французских офицеров еще находилась в России; они были свидетелями первых усилий Советской Республики на военном пути. Они относились к этим усилиям с высочайшим скептицизмом. Не сомневаюсь, что их донесения в Париж заканчивались неизменным выводом: ничего не выйдет. Мелкие буржуа в форме не видели в революции ничего, кроме разрушения, жестокости, беспорядка и хаоса. Все это в революции есть. Но в то же время в революции есть нечто большее: она пробуждает к жизни миллионы отсталых народных масс, она вооружает их большими политическими целями, она раскрывает перед ними новые пути, она пробуждает в них дремлющую энергию. Именно потому она совершает чудеса. Казалось бы, этого не нужно доказывать перед аудиторией народа, который имеет в своем прошлом Великую Революцию.

Много раз за эти последние годы я носился с мыслью изучить английскую печать эпохи Великой Француз-

ской Революции, речи тогдашних министров и их политических лакеев, тогдашних Клемансо и тогдашних Эрвэ—только для того, чтобы сделать сухое сопоставление реакционной клеветы правящей Англии конца XVIII века с той клеветой, которую «Temps» и его подголоски распространяли за эти годы о Советской России. К сожалению, у меня до сих пор нехватило для такой работы времени. Но я заранее не сомневаюсь, что совпадения получились бы, поистине, замечательные. Можно не сомневаться, что радикальные английские современники Робеспьера искали в свое время совершенно законных аналогий с английской революцией XVII столетия; а это опять-таки неизменно должно было вызывать негодующие протесты благочестивых реакционных историков: английская революция, несмотря на свои «излишества», была-де великим явлением, тогда как французский террор есть просто мятеж невежественной и кровожадной черни... В конце концов реакция, даже вооруженная самой злой волей, не изобретательна. Официозная французская клевета против Советской революции есть, помимо всего прочего, литературное воровство, жалкий плагиат у литературных поденщиков Питта.

С особенным злорадством Мерргеймы и их патроны ссылаются на наши затруднения в хозяйственной области. Теперь они с ликованием провозгласили на весь мир, что мы вернулись к капитализму. Они слишком торопятся злорадствовать и ликовать. Советская Республика социализировала банки, промышленные предприятия и земли. Для того, чтобы вернуть все это бывшим владельцам, нужно опрокинуть революцию и раздавить ее. Сейчас мы от этого дальше, чем когда

бы то ни было. Вы можете это с полной уверенностью сказать французскому пролетариату. Но верно то, что мы изменили методы социалистического строительства. Сохраняя предприятия в руках рабочего государства, мы, для проверки их выгодности или невыгодности, применяем методы капиталистической калькуляции и рыночного оборота. Руководить всеми предприятиями из единого центра, правильно распределяя между ними необходимые силы и средства по заранее составленному государственному плану, можно будет только на несравненно более высокой стадии социалистического развития. Нынешняя стадия имеет подготовительный характер. Рынок сохраняется. Промышленные предприятия государства в известных пределах ориентируются самостоятельно, продают и покупают, создавая, таким образом, жизненные опоры для будущего единого социалистического хозяйственного плана. Правда, на-ряду с этим мы идем на сдачу отдельных предприятий капиталистам на концессионных началах. Хозяйственная отсталость России и ее неисчерпаемые естественные богатства оставляют широкое поле для применения концессионного капитала. Государство сохраняет в своих руках основные, важнейшие предприятия промышленности и транспорта. Мы допускаем, следовательно, соревнование между чисто капиталистическими концессионными предприятиями и однородными предприятиями социалистического государства, при неоспоримом перевесе этих последних. Но весь вопрос в соотношении сил. Реформисты питали в свое время надежду на то, что кооперация постепенно поглотит капитализм. До тех пор, пока власть оставалась в руках буржуазии, охранявшей частную соб-

ственность на средства производства, такая надежда являлась чистой утопией. По отношению к России мы можем сказать, что до тех пор, пока власть остается в руках рабочего класса и все основные отрасли промышленности сохраняются в руках государства, «незаметное» и «безболезненное» восстановление капитализма при помощи концессий немногим более осуществимо, чем социалистическое перерождение капитализма при помощи кооперации. Говорить о возвращении к капитализму нет причин. Мы имеем лишь изменение методов социалистического строительства. Наш опыт и наши выводы на этом пути принесут величайшую пользу рабочему классу всех стран.

Мы многому научились за эти пять лет революции. Но мы ни от чего не отказались. Я не думаю, чтобы капиталистический мир, каким он вышел из ада войны и каким он живет перед нами сегодня, давал нам повод для пересмотра наших основных воззрений. Капитализм исторически осужден.

Будущее принадлежит коммунизму.

С братским коммунистическим приветом

Л. Троцкий.

9/III—22 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

В июне—июле 1921 года я поехал в Россию на третий конгресс третьего Интернационала, как член делегации от партии французских коммунистов.

Все зафиксированное в этой книге — впечатления человека, убеждения и прошлое которого могут служить залогом его положительного отношения к Русской Революции.

Считать ли эти впечатления односторонними? Не думаю. Мне кажется, что я внес в мои исследования то беспристрастие, которое от меня требовалось. Но оговоримся.

В данном случае нет места спокойному наблюдению. Никто не может в настоящее время следить объективно за всем тем, что происходит в Советской России.

Между Москвой и остальным миром идет война уже 4 года. Каждый вносит свои страсти, каждый участвует в большей или меньшей степени в борьбе, в которую вовлечен весь мир. Никто из современников не может говорить о переживаемых исторических событиях так, как о них будет говорить будущий историк. И тот, кто претендует на объективный анализ, просто-напросто не хочет выявить свою политическую физиономию.

Я же о своих взглядах заявляю во всеуслышание. Пусть предупрежденный читатель судит с своей точки зрения. Если он найдет необходимым, он будет корректировать мое изложение, учитывая тот коэффициент страсти, который я вношу.

То, что я видел,—велико и печально. Печально? Увы! Русский народ, творя Революцию, идет к свободе через страдания и несчастья.

Велико? Да. Когда народ говорит вам: «Мы умеем жертвовать собой для будущего, для потомства»,—говорите, что хотите, но это прекрасно.

Во всяком случае, как бы ни подходить к этому вопросу, развертывающиеся события в России для всякого мыслящего человека являются волнующими.

Там демонстрируют перед всем миром опыт, который никого не может оставить равнодушным.

Конечно, есть люди, желающие, чтобы этот опыт не удался. Они хотят, чтобы торжествовала вечная несправедливость. Другие—жаждут его удачи, потому что от этого зависит всемирное счастье. И в то время, когда можно сказать, что опыт этот окажет по меньшей мере влияние на демократическую эволюцию всего мира, мы о нем почти ничего не знаем. Мы многого не знали о России. Когда начинаешь изучать то, что составляет ее структуру,—а эта идея мне пришла в голову после моего возвращения из Москвы,—то с изумлением замечаешь, что по этому поводу ничего не было написано кроме: «Власть царей»—Анатоля Леруа-Болье, вышедшая в 1882 г., и «История России»—Рамбо, почти того же периода. Эти издания представляют почти всю библиографию о России; а

между тем даже о центральной Африке у нас имеется неизмеримо большее количество работ.

С 1917 года дело обстоит еще хуже. У нас процветала ложь о России, и мы занимались коллекционированием выдумок. За неимением серьезных информаций,—благодаря блокаде,—общественное мнение вводилось в заблуждение памфлетами, в которых ненависть заменяла критику. Правда, несколько иностранцев приехали в Россию (Рансом, Рёссель, Уэльс, Лансбёри, Брельсфор, Шеридан) и только они пролили кое-какой свет на истинное положение вещей. Ездили в Россию и другие, но то, что они писали, не заслуживает никакого внимания.

В последнее время вернулась из Москвы м-лле Вейс. Ее впечатления—первые, с которым и можно еще считаться. Но м-лле Вейс не будет на меня в претензии, надеюсь, когда я скажу, что хоть ее женская чувствительность была потрясена бедствиями голода, но очень ценных для нас сведений о вождях России и их творческой работе мы от нее еще не получили.

Я и мои товарищи провели два длинных месяца в России. Время недостаточное, чтобы узнать ее вождей в совершенстве, но достаточное, чтобы составить себе мнение об их значении. Я попробую набросать силуэты, по крайней мере, некоторых из них. В течение девяти недель нельзя изучить ни России, ни русских, но в том неведении, в котором находимся мы, всякий вклад полезен, и тот, кто хоть что-нибудь видел, должен рассказать об этом.

Я писал эту книгу с единственным желанием исправить ошибки и рассеять легенды. Не думая о том, чтобы понравиться тем или другим, я вдохновился

словами, произнесенными на заседании конгресса в Москве товарищем Троцким: «Тот, кто приходит сюда искать доказательств против коммунистов,—противник, с которым нужно сражаться; тот, кто собирает здесь впечатления, чтобы потом только восхвалять нас с энтузиазмом,—плохой коммунист». Если мне удалось, изложив просто то, что я видел и слышал, рассеять сомнения некоторых беспокойных натур, разрушить предвзятую ненависть, а, может быть (как знать), и привлечь скрытые симпатии,—я буду считать себя удовлетворенным. Своим трудом я хотел, по мере моих сил, оказать слабое содействие исключительному освободительному движению, какое история когда-либо видала со времени Французской Революции.

А. Моризэ.
